

КАРОЛИН ДЕ МЮЛЬДЕР
**КОЛЫБЕЛЬНАЯ
ДЛЯ РЕЙХА**

РОМАН

Перевод с французского
Александры Васильковой

phantom press

Москва

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)
М98

CAROLINE DE MULDER, LA POUPONNIÈRE D'HIMMLER

Copyright © Éditions Gallimard, 2024

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с согласия Les Éditions Gallimard

Перевод с французского Александры Васильковой
Редактор Мария Елифёрова

Обформление обложки и макет Андрея Бондаренко

Каролин де Мюльдер

М98 Кольбельная для рейха: Роман / Пер. с фр. А. Васильковой. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 320 с.

Хайм Хохланд, Бавария, 1944 год. В отдаленный нацистский пансионат для будущих матерей едва доходят слухи о войне, там делается все, чтобы оградить новорожденных и их матерей “правильной расы” от событий внешнего мира. Юная Рене, француженка, изгнанная семьей после того, как она влюбилась в немецкого офицера, находит там убежище в ожидании нежеланных родов. Немка Хельга — образцовая медсестра, отвечающая за уход за беременными женщинами и младенцами, через ее руки проходят женщины с трагическими судьбами и младенцы, которых изгоняют из этого маленького рая, если они не соответствуют требуемым расовым критериям. Регулярно сталкиваясь с такой жестокостью, Хельга начинает сомневаться в том, что делает, — мир, который казался ей идеальным, дает трещину, и уютное прибежище становится ловушкой. Что с ними со всеми станет, когда сюда доберется война?

Драматический, основанный на реальных фактах роман о малоизвестной странице Второй мировой войны, о том, как нацисты выстроили систему инкубаторов для “производства” расово безупречных детей.

ISBN 978-5-907943-11-7

© Александра Василькова, перевод, 2026
© Андрей Бондаренко, оформление, макет, 2026
© “Фантом Пресс”, издание, 2026

РЕНЕ

Двести белых пеленок в три ровных ряда. Запах марсельского мыла и стуженного молока. Дребезжащие смешки ненадолго заглушают детский лепет, который слышится и из парка, и из настезь распахнутых окон. Четыре женщины, болтая и смеясь, снимают прищепки с веревок и бросают в металлическую коробку. Складывают пеленки стопками в большие плетеные корзины.

Еще три женщины на крыльце белого дома чистят картошку. Картофелины плюхаются в ведро с водой. Очистки падают на газету. Две женщины на сносках переговариваются громкими, резкими голосами, третья, в платье с цветочками, молчит.

Ее зовут Рене, и она обрита наголо. Едва заметный рыжий ежик. Глаза как у дракона, зеленые с оранжево-красным ободком вокруг зрачка. Светлых ресниц почти не видно. Она встает, полыхнув обнаженным взглядом. Были бы у нее волосы — никто

бы мимо не прошел, но волос у нее нет, а с лысой головой она похожа на тощую кошку. На упрямого мальчишку. Внезапно она, ойкнув, сует в рот порезанный палец.

— *Was ist los?*¹ — спрашивает ее соседка.

Вкус железа и соли, далекого моря, она захлебывается, поднимает к небу глаза, пылающие заревом заката. Вынимает палец изо рта, сжимает кулак. Капли крови на газете и на траве. Она не говорит по-немецки. *Я не понимаю тебя, ни слова не понимаю из того, что ты мне сказала.* Она молчит.

Овощи с бульканьем падают в ведро. Кровь часто капает на газету, впитывается в бумагу. Все картофелины к завтрашнему обеду почищены и плавают в ледяной воде. Женщины закончили работу. Одна из них, с широким лицом и пепельными волосами, приподнимает ведро за ручку. Старается удержать равновесие, но центр тяжести у нее смещен, она кладет руку на выступающий живот. Тащит ведро. Вода плещет ей на платье. Рене сворачивает газету с очистками, получается большой сверток, она прижимает его к себе.

Она встает, идет к огибающей пруд тропинке, пыльные башмаки стучат по пересохшей земле. Она видит вековые дубы на том берегу. А дальше — поля

1 Что случилось? (нем.)

и снова поля, вольный воздух, бескрайнее небо. Со всем рядом с ней плотные заросли, высокие, раскидистые деревья. В их тени веет холодом, она вдыхает запах испаряющейся воды, растительный и пресный. Воздух неподвижен, ни один листок не дрогнет на озаренных солнцем верхушках деревьев. Она оглядывается через плечо. Женщины уже ушли в дом. Перехватив сверток левой рукой, правой она достает из кармана горсть медового печенья. На ходу съедает одно, потом второе.

У самой большой группы деревьев она поворачивает к огромному дощатому ящику с крышкой. Земля здесь не такая пересохшая и проминается под ногами. Теперь ей слышно, как трещат ветки, словно убегает какой-то зверь. Она подходит ближе и видит его, наполовину скрытого ящиком. Стоя на коленях, он жадно заталкивает обеими руками в рот сырые очистки. Высокий, тощий, кожа да кости. Рядом с ним лежат грабли, повернутые зубьями к небесной синеве. Глаза у него запавшие, скулы выпирают. Он весь сжался, взгляд затравленный, изношенная рубашка сильно ему велика, болтается на усохшем теле.

Увидев Рене, он срывается с места, набрасывается на нее. Она вскрикивает, шарахается от него, падает навзничь. Пытается встать. Мужчина, не глядя на нее, собирает рассыпавшиеся обломки печенья, набивает ими рот. Потом хватается грабли. Она

закрывается согнутыми руками. Но мужчина, даже не отдышавшись, с полным ртом, распрямляется, заслоняя небо, и удирает.

Рене встает. Смотрит против света, как убегает это нескладное пугало. Оно уже давно скрылось из виду, а она все еще смотрит ему вслед. Вокруг рта у нее налипшие крошки печенья. К платью пристали обрывки прошлогодних листьев. В конце концов она собирает рассыпавшиеся по земле холодные жесткие очистки и бросает их в ящик, к вырванным сорнякам и увядшим веткам. Хорошо пахнет еще не перегнившей землей. В солнечных полосах гудят насекомые. У ее ног валяется газета “Рейх” от 27 августа 1944 года с фотографией Атлантического вала, она своими глазами видела этот вал, он проходил совсем рядом с ее домом. У нее был дом. До того, как ее судили. Она уже и не знает, прогнали ее или она сама сбежала, толком не знает, где находится, где-то в Германии, в каком-то месте, где много немецких женщин. Где ее приютили.

По виску скатывается капля пота. Издалека долетает колокольный звон. 17:40. Она подбирает сырую, местами порванную газету, сминает, бросает в ящик. Делает несколько шагов в том же направлении, что и мужчина. Его уже не видно. За рощей картофельное поле, иногда женщин посылают туда собирать картошку. Сейчас там никого нет.

Она боится, что он вернется. Задается вопросом, вернется ли.

Она чувствует себя до боли одинокой, такой одинокой, что пересыхает во рту.

Мужчина не возвращается.

Они не возвращаются никогда.

Снова звонит колокол.

Она той же тропинкой идет назад, к двойному, беленному известью дому на возвышении. Слева старое крыло, справа новое, к обоим ведут каменные лестницы, поднимающиеся среди полевых цветов и душистых трав, лимонной вербены и тимьяна. Все женщины уже в доме. Где-то вдали кричит новорожденный ребенок. На балконах ровные ряды колыбелей, их выставили на свежий воздух, затенив белой тканью. А рядом с домом реет в солнечных лучах черный эсэсовский флаг, он будет реять не меньше тысячи лет.

Дом не похож на казарму и еще того меньше — на больницу. Скорее, на летний пансион, который очень хорошо содержат. Непомерно огромный загородный дом в окружении служб и полей, с видом на пруд.

17:45, ужин. Неясный гул женских голосов. В общей комнате везде отзывается эхо. На время еды эта просторная комната превращается в светлую столовую с паркетным полом.

Свет из окна, выходящего в парк, озаряет сидящую за столом Рене, окружает нимбом ее едва отросшие волосы. Через окно ей видны лужайка, деревья, пристройки. За прудом — чистое поле.

В руках у нее красивые серебряные приборы с выгравированным гербом Ротшильдов под баронской короной, перед ней большая тарелка с клеймом берлинской фирмы *Frühling & Pelz*. На столах скатерти в цветочек, за каждым столом двенадцать женщин в ситцевых платьях, почти все молодые, есть и совсем юные. Руки у них чистые, ухоженные, голоса отдаются эхом от белоснежных стен. Пахнет стряпней, солью, свежими овощами.

Рядом с дверью меню на неделю, обеды и ужины с понедельника по воскресенье. Сегодня, в субботу 2 сентября 1944 года, овощной суп, жареная говядина, хлеб, масло, салат из огурцов.

Медсестра постукивает вилкой о стакан, и тут же воцаряется несколько напряженная тишина.

— В 16:29 родился Юрген, 3 килограмма 400 граммов, рост 50 сантиметров, окружность головы 36,5.

Аплодисменты, веселые крики. "*Lebe Jürgen, lebe Frau Geertrui!* Долгих лет Юргену! Долгих лет фрау Хейтрэй!" Одна из женщин плачет.

Дожидавшиеся в сторонке служанки ставят на столы супницы. Стук металла о фаянс, звон стаканов — все словно хрустальное.

18:15. Обычно в вестибюле тихо и пусто, но сегодня вечером там что-то готовится. Стоит стол, покрытый скатертью с гигантской свастикой. На столе портрет Гитлера и цветы — похоже на алтарь в импровизированной часовне. Перед столом пестрый ковер и большая белая подушка с кружевами. Над всем этим еще один флаг со свастикой: *Deutschland, erwache*, Германия, пробудись. Напротив стола семь рядов стульев. Вот уже несколько дней Рене то и дело слышит слово *Reichsführer*.

18:20. Комната 23 просторная, рядом с дубовыми кроватями резные тумбочки, такие же резные платяные шкафы, столик на одной ножке, по бокам от него кресла, большой зеленый бархатный диван. У каждой пансионерки собственный умывальник с зеркалом. Все наряднее и роскошнее, чем в эсэсовском родильном доме в Ламорле, где она провела несколько недель, перед тем как 10 августа ее эвакуировали. Эту дату она хорошо запомнила.

На двери с внутренней стороны расписание. Рене не говорит по-немецки, но ей помогают цифры и незыблемый распорядок дня. Теперь она понимает значение каждого или почти каждого слова.

5:00—6:00. Кормление 1 (*Stillen*, и *s* произносится как “шшш”, как будто хотят сказать “тише”, тишина по-немецки — *Stille*)

- 6:00—6:30. Навести порядок в комнате (*Zimmer in Ordnung bringen*; *zimmer* читается как “циммер”)
- 6:30—7:00. Выпить кофе (*Kaffee trinken*, как будто кофе пьют, чокаясь)
- 7:00—8:00. Купание (слово *Baden*, с долгим *a*, заставляет раз мечтаться о курорте)
- 8:00—8:30. Кормление 2 (*Stillen — Schhhhtillen — шшш*)
- 8:30—9:00. Завтрак (*Frühstück*, над *ü* две точки, чтобы оно не читалось как “у”)
- 9:00—10:45. Работы по дому (*Windeln legen oder andere Hausarbeiten*, она не знает, что значит *Windeln*, но понимает *Haus* и *arbeiten*, “дом” и “работать”)
- 11:00—11:30. Обед (*Mittagessen, essen* означает “есть”)
- 12:00—13:00. Кормление 3 (*Stillen — шшш*)
- 13:00—14:45. Отдых (*Ruhe*, “ру” — с придыханием)
- 14:45—15:15. Выпить кофе (*Kaffee trinken*, чокаться и пить)
- 15:15—16:15. Кормление 4 (*Stillen — шшш*)
- 16:15—17:45. Работы по дому (*Windeln legen oder andere Hausarbeiten*; может быть, *Windeln* — это пеленки, которые надо без конца развешивать на солнце, потом складывать. В любую погоду служанки хлопочут у колонки с большими металлическими чанами, полными грязного белья, и мешками стружки марсельского мыла, они трут, выкручивают, отжимают, разглядывают на просвет квадраты белой ткани и щурятся, солнце спит)
- 17:45—18:15. Ужин (*Abendbrot, Brot* — это “хлеб”, *Abend* — “вечер”)

После ужина — прогулка, пение или чтение до 19:30; *Nach dem Abendbrot: Spaziergänge, Singen oder Lesen bis 19:30*. Еще иногда бывают занятия, лекции, речи по радио, которые обязаны слушать все женщины и из которых она мало что понимает.

19:30—20:30. Кормление 5 (*Stillen* — шшш)

Под распорядком дня — правила. Пансионерки отвечают за свои комнаты, *Schwestern*¹ и служанки — за другие помещения. Вечером все собираются во дворе или в общей комнате, в зависимости от того, чем будут заниматься. А перед этим закрывают ставни. Свет положено гасить ровно в 21:00, а лучше — перед ужином. В спальнях матерей надо выключать лампы под потолком, оставлять можно только затемненные ночники. “Затемненные” — *dunkelte* — подчеркнуто. Как будто сюда могут долететь бомбы. Здесь так спокойно. Не слышно ничего, кроме женских голосов, крика новорожденных и птичьего щебета. Еще жук какой-нибудь иногда прожужжит. В этом женском доме ты словно на краю света, кажется, ничто из внешнего мира не дотянется сюда, в глушь. Война пока далеко от Штайнхёринга. Она гналась за Рене, бежавшей из своей нормандской деревни, и настигла ее у самого Парижа, в Ламорле, всего через двадцать три дня. Тогда Рене уехала в Германию в военном автобусе вместе с десятком младенцев, еще несколькими

1 Медсестры, сестры (нем.).

женщинами и медсестрами и попала сюда, в другой родильный дом, где так хорошо кормят. Но война тем временем продвигается с запада на восток, она приближается, и кто ее остановит?

Рене все еще чувствует солоноватый вкус овощного супа. Она открывает окно, выпускает народную музыку из парка. Хорошо, что ее комната выходит на ту сторону, где пруд. Прямо перед окном ровный ряд горшков с цветущими геранями в заботливо увлажненном черноземе. Пахнет политой землей. Она смотрит в парк. Рядом с веревками для сушки белья водят хоровод двенадцать женщин. Она пытается разглядеть рощу и компостный ящик по ту сторону пруда, но видит только деревья, свет играет в листве, бьет в лицо, слишком много света, он сушит глаза, она трет их тыльной стороной запястий. На горизонте ничто не шелохнется, ни где и следа нет ее обидчика, который ел очистки и украл печенье. Она не может забыть его взгляд. Кто это был? В доме, кроме доктора, нет никаких мужчин. Может, кто-то оголодавший из деревенских. Или один из заключенных, работающих в поместье. Это они строят здесь громадные деревянные бараки. И парк приводят в порядок тоже они, но их даже издали не видно, с ними никто никогда не встречается.

У нее за спиной открывается дверь. Соседка по комнате, фрау Герда с туго заплетенной косой

и злобным взглядом, что-то ей говорит, но Рене понимает только слово *verboten*¹. Она медленно закрывает окно, садится на свою кровать. Она грезит. Не грезит. Это даже не греза, это рассеянность, ничто вокруг не занимает ее по-настоящему. А еще чаще это наваждение. Она думает про Артура Фейербаха. Все время. Она думает о нем, даже не думая.

Вот уже десять недель и шесть дней, как она его ждет. Если хорошенько подумать, даже тогда, когда он был с ней, она уже его ждала. Как будто чего-то в ней еще доставало. Или в нем что-то уже ушло. Или умерло. У пустоты, которая всегда была в ней, теперь есть мужское имя. Артур Фейербах — пустота, которую только он один может заполнить, душевная болезнь, от которой он один способен исцелить, тюрьма, из которой никто, кроме него, не может ее освободить.

Артур Фейербах. Его имя звучит для нее несмолкающей мелодией и невольно подступает к губам. И к глазам.

Она выпевает его, извергает из себя и оплакивает.

Он вернется. Он не вернется. Он будет жить, не будет жить. Он любит ее, любит ли он ее на самом деле?

1 Запрещено (нем.).